Ор83
П91
А-354580

ПУШКИНИСТ

Н. В. Измайлов



Ор83
П91
Ор83.37
83д
+Ор 72.92(ОГПЧ)

ПУШКИНИСТ Н.В. ИЗМАЙЛОВ

В Петербурге и Оренбурге

Q-354580

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

«Золотая аллея»
Калуга
2008

ОР 142

Н.В. Измайлов

ОБ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ ПУШКИНА ДЛЯ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

Документальные материалы о Пугачевском восстании, собранные Пушкиным и послужившие для «Истории Пугачева», а отчасти и для «Капитанской дочки», сохранились, как известно, в большой полноте, хотя и далеко не исчерпывающим образом. Они разобраны, систематизированы и опубликованы В.Л. Комаровичем во втором полутоме девятого тома большого Академического издания сочинений Пушкина, к которому необходимым ключом служит алфавитный указатель, составленный Г.П. Блоком и являющийся сам по себе целым исследованием. Большая часть этих материалов восходит к архивным источникам и извлечена Пушкиным из доступных ему государственных архивов.

Внешняя история отношений Пушкина к архивам, точнее, сношений его с властями, от которых зависело получение нужных ему материалов, достаточно хорошо известна. Первые шаги в ее изучении сделал П.В. Анненков;[1] особую статью посвятил архивным занятиям Пушкина Я.К. Грот[2], допустив при этом, однако, существенную ошибку, так как он доверился заявлению самого Пушкина о том, что его целью является составление «истории графа Суворова», заявлению, сделанному из дипломатических целей, чтобы прикрыть «опасную» пугачёвскую тему занятий, подозрительную в глазах властей. Эту ошибку повторил в своем поверхностном и небрежном комментарии к «Истории Пугачева» Н.Н. Фирсов[3], и она жила в литературе до тех пор, пока Ю.Г. Оксман, внимательно рассмотрев весь вопрос, не выяснил подлинного хода работы Пушкина.[4] При этом, однако, исследователь не ставил себе задачей

анализ архивных материалов, собранных Пушкиным и послуживших для его труда: в то время, когда Ю.Г. Оксман писал свою статью, эти материалы не были еще изданы, ни даже разобраны и описаны, и он мог лишь справедливо жаловаться на такое положение;[5] работа Ю.Г. Оксмана преследует иные цели, так же как и позднейшая его статья о работе Пушкина над «Капитанской дочкой»;[6] не рассматривается этот «архивный» вопрос и в комментариях того же автора — очень ценных и содержательных, но по необходимости сжатых — к обоим произведениям Пушкина на пугачевскую тему.[7]

Вопрос о том, какие именно архивные материалы о Пугачевском восстании находились в распоряжении Пушкина в ходе его работ, был поставлен в 1936 и 1937 годах в двух статьях П. Софинова.[8] Автор внимательно изучил переписку Пушкина за 1833—1835 годы и сохранившиеся в архивных делах документы о допущении его к занятиям в архивах. Он восстановил довольно точно и полно внешнюю картину этих занятий и историю взаимоотношений Пушкина с архивным начальством и правительственными местами. Но к самим архивным материалам, служившим для работы поэта-историка, П. Софинов явно не обращался; поэтому и его исследования не разрешают вопрос по существу и имеют известное значение лишь как предварительный обзор внешних данных.

Ценный подбор материалов, интересные наблюдения и замечания находим мы в комментариях Е.М. Блиновой к челябинскому отдельному изданию «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева».[9] Но и здесь в задачу комментатора не могло входить исследование еще не опубликованных материалов для этих произведений. Так обстояло дело до 1940 года.

Положение существенно изменилось с выходом в свет девятого тома Академического издания сочинений Пушкина (1940), когда стало возможно изучать весь фонд рукописей Пушкина, относящихся к пугачевской теме. Однако за прошедшие с тех пор годы, несмотря на значительное количество работ, посвященных «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке», глубокий и детальный анализ пушкинских материалов в их соотношении с архивными первоисточниками так и не сделан, и тем самым вопрос о размерах, содержании и методе использования Пушкиным документов государственных архивов остается неразрешенным.

В самом деле, ни одна из диссертаций на темы, связанные с Пугачевским восстанием в изображении Пушкина, за-

щищенных в последние годы и известных нам в подлинниках или в авторефератах, — Ю.С. Зубова, Д.Н. Введенского, О.В. Астафьевой, Н.И. Фокина[10] — не касается вопроса об архивных первоисточниках Пушкина. Не обращаются к ним и авторы опубликованных за послевоенные годы статей, касающихся тех же проблем творчества Пушкина, — Н.П. Гриценко,[11] М.И. Мальцев,[12] С.М. Петров[13] и др.

Наиболее внимательно и глубоко рассматривает вопрос о работе Пушкина над историческими источниками, печатными и рукописными, Г.П. Блок в своем исключительно ценном исследовании.[14] Однако, в соответствии со своей темой, он не касается прямо архивных материалов, бывших в распоряжении Пушкина, но говорит лишь о сделанных им извлечениях и выписках из них, а также о тех документах, которые служили источниками для некоторых иностранных авторов, например Г.Ф. Миллера. Наконец, даже и обширная докторская диссертация А.И. Чхеидзе, посвященная всестороннему исследованию «Истории Пугачева» и, к сожалению, до сих пор в полном виде не напечатанная,[15] в своем тщательном анализе методов исторического исследования, применяемых Пушкиным, опирается лишь на материал, вошедший в девятый том Академического издания, с одной стороны, и на архивный документальный материал, опубликованный в исторических трудах и в сборниках материалов — с другой, не касаясь вопроса о соотношении тех и других. По вопросу о работе Пушкина в архивах, откуда он извлекал основной документальный материал, А.И. Чхеидзе следует П. Софинову, к выводам которого мы вернемся ниже.[16]

Таким образом, один из важнейших вопросов в изучении пугачевской темы у Пушкина — вопрос о том, какие именно архивные фонды и какие документы, извлеченные из них, были им исследованы и каковы были методы его работы над первоисточниками (в смысле отбора и обработки документов в виде заготовок, сделанных до написания «Истории Пугачева»), — до сих пор еще далек от разрешения. Настоящая статья также не ставит себе целью полностью осветить его: работа, начатая автором в этом направлении, далеко еще не закончена. Задача статьи много скромнее: определить тот круг архивных документов, те архивные фонды, которые были в руках автора «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» в период работы над историческим его трудом — в 1833—1834 годах.

Отвечая в «Современнике» 1836 года на статью В.Б. Бро-

невского об «Истории Пугачевского бунта», помещенную в «Сыне отечества», Пушкин писал: «Я прочел со вниманием всё, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in-folio разных рукописей, указов, донесений и проч.».[17] Вот эти-то «16 толстых томов» и должны составить предмет нашего изучения.

П. Софинов в своей ценной и не утратившей значения статье, уже названной выше — «А. С. Пушкин — исследователь пугачевского движения» — так резюмирует свои наблюдения:

«Для создания «Истории Пугачева» Пушкин работал над материалами Петербургского архива Инспекторского департамента (Военного министерства. — *Н.И.),* Московского его отделения, материалами Московского главного архива Министерства иностранных дел, Государственного архива, а также над материалами Нижегородского и Оренбургского архивов. Но количество дел, выданных Пушкину, было чрезвычайно незначительно. Правительство сделало всё для того, чтобы, допустив Пушкина в архивы, фактически лишить его возможности их использовать». В другом месте П. Софинов пишет: «Всего из Инспекторского архива и Московского его отделения Пушкин получил двенадцать дел, которые тщательно изучил». И далее: «В Государственном архиве к 1833 году было сосредоточено 114 обширных дел о Пугачеве: из тайной экспедиции, из сената, из следственных комиссий, функционировавших на местах, — а Пушкину выдали только 8!».[18]

Эти замечания, в общем справедливые, нуждаются в некоторых поправках. Приступая к изучению Пугачевского восстания — одновременно для задуманного романа и для исторического труда — Пушкин, по-видимому, очень неясно представлял себе, где он должен искать архивные материалы. Он обратился первоначально лишь в Военное министерство и получил из архива Главного штаба некоторое количество архивных материалов о Пугачеве. Первого и главного документа, затребованного им, — следственного дела о Пугачеве[19] — там не оказалось, и доступ к нему Пушкин получил не скоро: в предисловии к «Истории Пугачева», помеченном «2 ноября 1833. Село Болдино», он мог лишь глухо упомянуть о том, что «дело о Пугачеве, доныне нераспечатанное, находилось в государственном санкт-петербургском архиве, вместе с другими важными бумагами, некогда тайнами государственными, ныне превращенными в исторические материалы». «Будущий историк, — писал он далее, — коему позволено будет распе-

чатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд — конечно, несовершенный, но добросовестный».

Намек на отсутствие разумных причин делать тайну из исторического материала, обращенный к Николаю I и его правительству, был достаточно явен. Этот намек был повторен в «Замечаниях о бунте», представленных в рукописи Николаю I. Здесь, указывая по одному случаю на неполноту сведений, которыми он располагал, Пушкин писал (в замечании <15>): «Это должно явствовать из процесса Пугачева, но, к сожалению, я его не читал, не смев его распечатать без высочайшего на то соизволения».[20]

Только тогда, когда книга была уже издана, царь и Бенкендорф разрешили ему «распечатать» дело о Пугачеве и сделать из него извлечения (которые, если и были сделаны, до нас не дошли).[21] Восемь связок, выданных тогда Пушкину, — это, очевидно, и есть те восемь дел из числа 114, сосредоточенных тогда в Государственном архиве, о которых пишет П. Софинов. Они были приготовлены для Пушкина в конце февраля 1835 года. В период же работы над «Историей Пугачева», в 1833—1834 годах, Пушкин не пользовался материалами ни из Московского главного архива Министерства иностранных дел, ни из Государственного архива, ни из какого-либо другого архива гражданских ведомств, а только материалами военных архивов — Петербургского архива Инспекторского департамента и Московского его отделения.

Количество «дел», или «книг», полученных отсюда Пушкиным, нам точно известно: дежурный генерал Главного штаба П.А. Клейнмихель письмом от 24 сентября 1835 года потребовал от Пушкина возвращения материалов, полученных им из архива Инспекторского департамента; к письму приложена была и ведомость, из которой видно их содержание. Это «Разные секретные бумаги и своеручные манифесты Пугачева, в двух книгах», письма, донесения и реляции А.В. Суворова (не относящиеся к Пугачевскому восстанию) также в двух книгах, наконец, «Рапорты генералов: Бибикова, князя Голицына и графа Суворова-Рымникского 1774 года, в восьми книгах»[22] — всего двенадцать «дел», или «книг», о которых, как сказано выше, говорит и П. Софинов; из них два относятся к истории суворовских войн, а десять непосредственно к Пугачевскому восстанию; они-то и должны нас прежде всего интересовать. Что это за «книги»?

Нет никакого сомнения в том, что все они принадлежат

одному фонду — фонду Секретной экспедиции (или «Секретных повытий») Государственной военной коллегии. В настоящее время этот фонд находится в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве.[23] Он состоит из десяти переплетенных «толстых томов in-folio» (по выражению Пушкина), озаглавленных — там, где сохранились обложки с заголовками, или, как на книге 3, с заголовками, надписанными в позднейших копиях: «О известном злодее, бежавшем из-под караула беглом Донском казаке Емельке Пугачеве и о возмущении в пределах Оренбургской и Казанской губерний и о командировании туда полков и команд». Здесь, в этих громадных «книгах», содержится переписка Военной коллегии с администрацией областей, охваченных восстанием, и с начальниками войск, посланных для его подавления; здесь Пушкин мог видеть манифесты, указы и письма Е.И. Пугачева, распоряжения Военной коллегии, донесения и письма И.А. Рейнсдорпа, А.И. Бибикова, П.М. Голицына, Ф.Ф. Щербатова, П.И. Панина и многих других, менее значительных лиц с массой приложенных к донесениям документов — протоколами допросов и военных советов, рапортами местных начальников, вроде яицкого коменданта И.Д. Симонова и пр. В книгах 2, 3 и 4 находится один из важнейших источников сведений о первой половине восстания, служивший также материалом для «Летописи» П.И. Рычкова, — «Журнал Рейнсдорпа», как назвал его Пушкин,[24] содержащий подробную хронику, день за днем, развития и хода восстания на Яике и осады Оренбурга. Это беловой текст, тщательно переписанный и отправлявшийся периодически Рейнсдорпом в петербургскую Военную коллегию.

Необходимо отметить, что в конспективной записи Пушкина к заглавию «Журнал Рейнсдорпа» прибавлен подзаголовок «Из Оренб.<ургского> архива»,[25] вызывающий вопрос о том, откуда выписывал Пушкин этот важный для него документ: из «книг» архива Военной коллегии (т.е. из архива Инспекторского департамента Военного министерства) или на месте, в Оренбурге, из дел тамошнего архива. К этому вопросу придется еще вернуться. Но, во всяком случае, можно утверждать, что, изучая дела Военной коллегии в марте — апреле 1833 года, Пушкин не мог пройти мимо «журнала», носящего, впрочем, в подлинном деле иное, длинное и канцелярски неуклюжее заглавие, именно: «Экстракт, сочиненный из дела о самозванце войска донского казаке раскольнике Емельяне

Пугачеве, произведенного о обстоятельствах с ним Пугачевым и с изменническою его толпою происшедших и какие при том здешние распоряжения и действия учинены».[26]

Из тех же книг архива Военной коллегии Пушкин делал и выписки, кратко конспектируя документы в календарном порядке.[27] Наиболее интересной является для нас книга 3 фонда Военной коллегии.[28]

Здесь, среди донесений и писем А.И. Бибикова, П.Н. Кречетникова (астраханского губернатора), Д.И. Чичерина (сибирского губернатора), И.Е. Цыплетева (царицынского коменданта), А.А. Фейервара (коменданта Троицкой крепости) и многих других, вместе с манифестами и указами Пугачева,[29] с «Экстрактом», т.е. «Журналом Рейнсдорпа»,[30] мы видим одно из самых замечательных писем А.И. Бибикова — письмо к президенту Военной коллегии графу З.Г. Чернышеву от 24 января 1774 года[31] — и, наконец, документ, привлекающий всё наше внимание: на лл. 249—250 находится показание первой жены Е.И. Пугачева, Софьи Дмитриевны. Оно введено было Пушкиным в четырнадцатое примечание к четвертой главе «Истории Пугачева» (С. 42—45 второй пагинации первой части издания 1834 года) со словами: «Помещаем здесь показания жены Пугачева, Софьи Дмитриевой, в том виде, как они были представлены в Военную коллегию» — и с заголовком, выписанным (не вполне точно) из дела: «Описание известному злодею и самозванцу, какого он есть свойства и примет, учиненное по объявлению жены его, Софьи Дмитриевой».[32] За два месяца до выхода в свет «Истории Пугачева» (появившейся, как известно, по требованию Николая I под заглавием «История Пугачевского бунта» в конце декабря 1834 года) тот же документ был опубликован вместе с другим показанием[33] в седьмом томе «Библиотеки для чтения», вышедшем 1 ноября 1834 года.[34] И вот на л. 249 архивного дела, у приведенного выше заголовка, написано карандашом рукою Пушкина: «Напечатано в Биб. для Чт. 1834 г. т. VII»

Эта запись[35] дает окончательное и бесспорное подтверждение тому, что именно «книги» Секретной экспедиции Военной коллегии были получены Пушкиным от военного министра в феврале и марте 1833 года[36] и служили основным документальным источником при составлении «Истории Пугачева». Эти материалы находились у Пушкина до 19 ноября 1835 года,[37] чем и объясняется возможность появления записи, сделанной, вероятно, в ноябре или декабре 1834 года.

Таковы предварительные и неполные данные, собранные нами об одной части пугачевских материалов Пушкина.

Обратимся теперь к другому, не менее важному, но более сложному вопросу — об использовании Пушкиным документов местных архивов — Нижегородского, Казанского и Оренбургского.

Запись Пушкина в архивном деле о восстании Е.И. Пугачева: «Центральный государственный военно-исторический архив».

П. Софинов в уже не раз цитированной статье отметил коротко, что «из Оренбургского архива Пушкин извлек несколько чрезвычайно ценных документов, в частности показания о Пугачеве крестьянина Алексея Кириллова от 6 октября 1773 года. По дороге из Нижегородского архива Пушкин получил «Рапорт инвалидных офицеров секунд-майора Алтуфьева и капитана Беляева и 20 офицеров».[38] Действительно, в материалах Пушкина, объединенных В.Л. Комаровичем под общим заглавием «Помесячные выписи из архивных дел», в обложке, носящей заголовок «Октябрь и ноябрь 1773», помещено показание, начинающееся словами: «Окт. 7. Оренб. губ. Бугуллинского ведомства села Богоруслану крест.<ьянин> ясашный Алек.<сей> Кирилов, который вчера приехав в тат. <арскую> деревню Кушлумешеву с Оренб.<ургской> стороны и был в Сакмарской креп.<ости>, по самой чистой совести показал»[39]

На обложке (л. 275) ниже заголовка «Октябрь и ноябрь 1773» Пушкин сделал помету: «Немец.< кое > письмо Рейнсд. <орпа>». Но она сделана для памяти и относится к какому-то другому «немецкому письму Рейнсдорпа» (их немало в делах), а не к следующему за ней документу.

Показание Кириллова так ярко и содержательно, что Пушкин в тексте «Истории» дал из него, в литературной обработке, большую выдержку и в дальнейшем изложении привел еще красочную цитату.[40] К этой выдержке, в которой Кириллов не назван, а обозначен лишь как «очевидец», сделано примечание (четырнадцатое к главе второй): «Показание крестьянина Алексея Кириллова от 6 октября 1773 года. (Из Оренбургского архива)»[41]

Попутно отметим, что подзаголовок «Из Оренб.<ургского> архива» носит, как уже было сказано, конспективно изложенный Пушкиным «Журнал Рейнсдорпа».[42]

Что касается Нижегородского архива, то помета о проис-

хождении из него поставлена Пушкиным как заголовок к рапорту курмышских инвалидных офицеров нижегородскому губернатору А.А. Ступишину от 27 июля 1774 года.[43] Этот документ выписан Пушкиным на отдельном двойном писчем листе, торопливым почерком, с рядом сокращений, позволяющих предполагать (как и в показании Кириллова) большую поспешность при списывании.

Рассмотрим все эти случаи.

Выписки из местных провинциальных архивов Пушкин мог делать только во время путешествия в Поволжье и в Оренбургский край в сентябре 1833 года или, во всяком случае, после него. Хронологически первым пунктом в местах, где происходило Пугачевское восстание, был Нижний Новгород, который Пушкин посетил 2—3 сентября. Так как самый город не был связан с восстанием и Пушкин лишь бегло осмотрел его исторические и современные достопримечательности, он, вполне возможно, мог уделить несколько часов на просмотр — очевидно, немногочисленных — документов о Пугачеве, хранившихся в местном архиве. Это было, вероятно, на второй день его пребывания в городе — 3 сентября. При содействии губернатора М.П. Бутурлина, старавшегося быть особенно любезным с петербургским гостем, посланным (по его мнению) с тайным поручением от правительства,[44] получить материал было нетрудно. Быстрой ориентировке в архивных делах помогло уже законченное в Петербурге изучение фонда Военной коллегии: Пушкин мог отбирать то, чего, как он помнил, не было в уже изученных им материалах. На большую спешность работы указывает, как было отмечено, и внешний вид текста — документ мог быть переписан (а частью пересказан) в несколько минут. Окончательное суждение здесь пока, однако, невозможно ввиду неизученности Горьковских (Нижегородских) архивных фондов в смысле возможности работы в них Пушкина.[45]

Несравненно большее значение, чем Нижегородский архив, могли иметь для Пушкина архивы Казани и в особенности Оренбурга. Еще собираясь в путешествие и прося разрешения на отпуск у Бенкендорфа, Пушкин особо оговаривал, что хотел бы воспользоваться поездкой в свое нижегородское имение, чтобы «завернуть в Оренбург и в Казань, которых <он> еще не знает», и к этому добавлял: «Умоляю его величество позволить мне ознакомиться с архивами этих двух губерний».[46]

У нас нет никаких сведений о том, был ли Пушкин в архивах Казани. Среди его материалов нет ни одного документа, несомненно, архивного казанского происхождения. По-видимому, он отказался от обследования архивов (скудость которых после пожара при взятии города войсками Пугачева могла стать ему известной от К.Ф. Фукса и других лиц) и ограничился лишь собиранием устных сведений от того же Фукса[47] и от местных старожилов — В.П. Бабина[48] и Л.Ф. Крупенникова.[49]

Из Казани через Симбирск и Самару Пушкин отправился в Оренбург, куда прибыл 18 сентября. Пребыванию его в Оренбурге посвящена значительная литература, сохранилось немало воспоминаний и эпистолярных свидетельств, более или менее ценных (но иногда и вовсе не достоверных).[50] Многие факты выяснены, кое-что остается спорным и неясным. Критически сопоставив все данные, можно установить следующее.

Пушкин прибыл в Оренбург, по-видимому, днем 18 сентября и остановился сначала у губернатора В.А. Перовского на его загородной даче. Явившийся к Перовскому В.И. Даль в тот же день повел Пушкина к начальнику Неплюевского военного училища инженер-майору К.Д. Артюхову, у которого «была отличная баня», где путешественник и вымылся[51], а затем вместе с Далем вернулся на дачу Перовского, где и ночевал. Так прошел первый день.

На следующий день, 19 сентября, Пушкин с Далем (и, по-видимому, Артюховым) отправились утром в станицу Берды (бывшую штаб-квартирой Пугачева и его армии зимой 1773—1774 годов) и там слушали рассказы старухи, современницы восстания, казачки Бунтовой, а затем осматривали город, причем Даль показывал Пушкину расположение повстанческих войск во время осады Оренбурга. На это ушла первая половина дня; как прошла вторая половина — точно неизвестно. Вечер поэт провел у Даля, который к этому времени перевез его в город, и ночевал у него (или, по другим сведениям, на городской квартире Перовского). Что делал Пушкин утром 20 сентября — мы опять-таки не знаем. Днем он выехал из Оренбурга — вероятно, после обеда у Перовского — и отправился по берегу Урала вниз, к городу Уральску (бывш. Яицкому городку) — месту возникновения и начала Пугачевского восстания.

Таким образом, в распоряжении Пушкина было, несом-

ненно, несколько свободных часов — вторая половина дня 19 сентября и первая половина дня 20-го. Эти-то часы он и мог употребить на работу в архивах.

Документы о Пугачевском восстании были сосредоточены тогда в архиве Оренбургской пограничной комиссии в виде двенадцати (точнее, четырнадцати; см. ниже) толстых переплетенных книг.[52] Их содержание составляли, с одной стороны, получаемые в Оренбурге на имя военного губернатора генерала Рейнсдорпа указы и распоряжения Военной коллегии и других правительственных учреждений и высших начальников, донесения и письма местных и подчиненных начальников, протоколы допросов, манифесты и письма Пугачева и т. д., с другой стороны — отпуски и черновики донесений и писем Рейнсдорпа и других документов, направляемых в Военную коллегию и в другие места. Одним словом, это — материал, дополняющий то, что Пушкин видел в «книгах» из архива Военной коллегии, отчасти дублирующий его и освещающий, так сказать, с другой стороны. Многое из того, что было здесь, Пушкин, конечно, уже знал, но многое он должен был желать пересмотреть и проверить, а главное, поискать такие местные документы, которые не попадали в Петербург.

Таким образом, вероятность посещения Пушкиным Оренбургского архива не подлежит сомнению. Несомненно, однако, что ознакомление с пугачевскими материалами архива Пограничной комиссии представляло значительные трудности вследствие чернового характера многих документов, написанных частью на немецком языке, а частью — в трудно читаемой канцелярской скорописи XVIII века. Но нужно думать, что о своем желании заняться в архиве Пушкин еще в день приезда, вечером 18 сентября, переговорил с Перовским, и последний распорядился приготовить для него материал, и не только приготовить, но и помогать ему всячески в его работе. В этом отношении небезынтересен один рассказ, при всей его общей фантастичности содержащий какую-то долю истины.

В 1883 году, перед пятидесятилетием приезда Пушкина в Оренбург, в неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей» (№ 12) была напечатана статья Р.Г. Игнатьева «Пушкин в Оренбурге», заключающая выдержки из «Дневника» некоего А.А. Щиголева, казачьего офицера, по службе находившегося в Оренбурге в 1833 году.[53] Этот «дневник» представляет собой грубую подделку, отчасти на основании позднейших печатных источников, изобличающую в авторе вме-

сте с тем полное незнание истинных обстоятельств пребывания Пушкина в Оренбурге.[54] Но есть в нем сведения, восходящие так или иначе к устойчивому в Оренбурге преданию, заключающему зерно истины: Щиголев в «дневнике» рассказывает о том, что Пушкин «был... в Пограничной комиссии, где для работы ему дана большая, хорошо меблированная комната и трое чиновников, хорошо разбирающих старину. Пушкин взглянул на дело Пугачевское, в 12 больших томах, которые были разложены на огромном столе, стал перелистывать и читать то тот, то другой том, сказав: «чорт знает! чтобы прочесть всё это, надо иметь мышиные глаза!» Он стал заниматься; начальство вышло, Пушкин запер дверь и тем положил конец нашему любопытству. Он занимался более 2-х часов, сделал карандашом заметки и засадил писцов списывать. Так он делал каждый день.»[55] К этой записи публикатор (или автор?) «дневника» Р.Г. Игнатьев сделал примечание: «Скажу от себя: г. Щиголев писал правду об ученых занятиях Пушкина. Дело в 12 огромных фолиантах под заглавием: «Дело о государственном злодее Емельяне Пугачеве 1773—1774 годов», хранившееся в архиве Оренбургской пограничной комиссии, а потом мною рассматривавшееся в 1870 году в архиве Тургайского областного правления, всё прочтено Пушкиным и, где следовали выписки, там помечено рукою Пушкина карандашом — «списать». Дело теперь в Московском архиве Министерства юстиции, и я снова читал его с пометами Пушкина в 1878 году, будучи в Москве, благодаря сенатора Н.В. Калачова».

Сведения, сообщенные в этом примечании Р.Г. Игнатьевым о пугачевских материалах Оренбургского архива, при некоторых неточностях соответствуют в общем действительности: фонд канцелярии оренбургского губернатора генерала Рейнсдорпа (1772—1774) в 30-х годах XIX века хранился в архиве Оренбургской пограничной комиссии, позднее вошедшем в архив Тургайского областного правления. После упразднения этого правления фонд Рейнсдорпа в числе прочих фондов упраздненных учреждений был передан в Московский архив Министерства юстиции. В советское время он вошел в состав VI разряда Древлехранилища Государственного архива (в ГАФКЭ), а в настоящее время находится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, ф. 1100). Всего в этом фонде не двенадцать, а четырнадцать переплетенных томов.[56] Заглавие дел передано Игнатьевым неточно; почти все имеют надпись на корешках: «Дело о самозванце

Емельяне Пугачеве» с обозначением месяца и года; у некоторых сохранились заглавные листы с полным заголовком: «Столп о злодее самозванце войска Донского казаке Емельяне Пугачеве» или кратко «Столп делам Емелькиным». Пометы «списать», встречающиеся кое-где, не принадлежат Пушкину, так же как и отчеркивания и другие знаки на полях и в тексте. Возможно, что их делал упомянутый выше Бух, занимавшийся этим фондом в 1835 году.

Независимо, однако, от этих полулегендарных и даже фантастических рассказов, мы имеем все основания полагать, что Пушкин в Оренбургском архиве занимался, дела просматривал и извлек из них некоторые документы: во-первых, он имел это намерение, еще собираясь в путешествие летом 1833 года, и было бы странно, если бы он пропустил малейшую возможность ознакомиться на месте с архивными материалами; во-вторых, пометы, приведенные выше, на пушкинских конспектах и в печатном тексте «Истории Пугачева» — «Из Оренбургского архива» — не позволяют в этом сомневаться.[57] Другой вопрос — как и в какой степени использовал Пушкин оренбургские материалы.

«Дела», или «столпы» архива Оренбургской пограничной комиссии (ныне находящиеся в ЦГАДА) во многом, как сказано, дублируют документы секретных повытий Военной коллегии. Различие состоит в том, что местный материал, который находится в архиве канцелярии Рейнсдорпа, представляет собой в значительной части черновые отпуски донесений, отправлявшихся в Петербург, Пушкину не было надобности разбираться в этих черновиках, потому что он еще до поездки в Оренбург мог изучать и конспектировать те же документы по беловым текстам. Помета «Из Оренб<урского> архива» при начале «Журнала Рейнсдорпа» могла значить только то, что первоначальный черновой текст Пушкин видел в Оренбурге. При сличении пушкинских выписок с архивными подлинниками во многих случаях видно, по расхождениям в мелких деталях, что выписка или конспект восходят не к Оренбургскому архиву, а к архиву Военной коллегии. С другой стороны, в делах канцелярии Рейнсдорпа должны были быть и были такие документы, которых не было в архиве Военной коллегии, так что Пушкин мог с ними познакомиться только в Оренбургском архиве. Таково уже упоминавшееся показание Алексея Кириллова от 6 октября 1773 года; правда, следует сказать, что на том месте, где оно хронологически должно было

бы находиться (документы подшивались в книги в порядке их хронологии), это показание нами обнаружено не было и где оно находится, неизвестно.[58]

Пушкин мог конспективно списать показание Кириллова, как и некоторые другие документы, в те немногие часы 19 и 20 сентября, которые он, вероятно, провел в архиве Пограничной комиссии. На эти (нам полностью неизвестные) документы он мог обратить внимание, перелистывая толстые «фолианты». Свойственные ему огромная память и быстрота соображения могли помочь мгновенно определять и важность документа и то, не встречался ли он уже в делах Военной коллегии. Можно думать, что, помимо показания Кириллова, из Оренбургского архива были извлечены «Журнал Симанова»[59] об осаде войсками Пугачева Яицкого городка и «Журнал Мясоедова» («Журнал осады города Уфы»).[60] В отношении других документов, восходящих, возможно, к Оренбургскому архиву (текстов некоторых из манифестов и указов Пугачева, показаний пленных и перебежчиков местным начальникам и пр.), приходится пока воздержаться от суждений: для этого нужно сличить все три источника — выписки и конспекты Пушкина в Акад., IX, и в Пушкинском Доме, документы архива канцелярии Рейнсдорпа в ЦГАДА и архива Военной коллегии в ЦГВИА. Эта большая и сложная работа еще не проделана.[61]

Но выписать или хотя бы законспектировать все интересующие его документы в Оренбургском архиве Пушкин, разумеется, не мог за те немногие часы, какие были в его распоряжении. Приведенный выше рассказ Щиголева в публикации Игнатьева о трех чиновниках, занимавшихся для Пушкина переписыванием, — чистая выдумка: почти все известные нам материалы, вошедшие в Акад., IX, 2, переписаны Пушкиным собственноручно, а немногие писарские копии сделаны, вероятно, в Петербурге. Таковы, например, два документа, несомненно, оренбургского (хотя, быть может, и не архивного) происхождения: «Прибавление о разбойнике и самозванце Пугачеве из дневных записок 1773 года, города Оренбурга... священника Ивана Осипова» и «Известие о самозванце Пугачеве» другого оренбургского священника, Ивана Полянского.[62] Оба документа скопированы переписчиком на бумаге с водяным знаком «А.Гончаров 1834»,[63] т.е. уже в Петербурге, после возвращения Пушкина из поездки, так как иметь такую бумагу с собой в путешествии, начатом в августе, он не мог, а в далекой про-

винции дорогая гончаровская бумага была, конечно, редкостью и едва ли могла быть приобретена писарем, если только не была прислана Пушкиным из Петербурга, что маловероятно.

Остается предположить, что некоторые, по крайней мере, из переплетенных книг Оренбургского архива были увезены с собой Пушкиным в Болдино и затем в Петербург и возвращены в Оренбург через несколько месяцев — не позже, однако, конца 1834 года.[64] Возможно ли это предположение?

Позднейший биограф, П. Юдин, писавший на основании каких-то оренбургских преданий, утверждает прямо, что «Перовский так увлекся Пушкиным, что отдал ему из своей канцелярии все дела о Пугачеве, и Пушкин их увез с собой».[65] Как ни фантастично, на первый взгляд, такое сообщение, к нему, однако, нужно прислушаться: самый факт очень вероятен. Мы знаем, что двенадцать таких же переплетенных «дел» из архива Главного штаба о Суворове и о Пугачевском восстании были выданы Пушкину на дом с разрешения военного министра графа Чернышева, человека от Пушкина далекого и вовсе к нему не благоволившего,[66] и оставались у него в пользовании свыше двух с половиной лет. Тем более это было возможно для всесильного в Оренбурге губернатора В.А. Перовского, давнего и довольно близкого приятеля Пушкина, ни перед кем не ответственного и известного своим самовластием. Передача могла быть совершена без формальностей — никаких документов об этом, насколько известно, в Оренбургском архиве не сохранилось, — но Пушкин тем более должен был считать себя обязанным вернуть их при первой возможности и вернул, быть может, пользуясь приездом самого Перовского в Петербург в конце декабря 1834 года.[67] Пушкин мог взять, конечно, не все четырнадцать (или двенадцать) томов оренбургских документов о восстании, но некоторые из них, в особенности книги 2, 3, 4, 5, 6, 7, обнимающие события от сентября 1773 по май 1774 года. В таком случае получают объяснение слова Пушкина, уже приводившиеся, о том, что он, «прочел со вниманием... 18 толстых томов in-folio разных рукописей, указов, донесений и проч.». Десять томов из этих восемнадцати составляли дела Военной коллегии, пять — шесть томов могли быть привезены из Оренбурга, остальные приходятся на иные сборники материалов (полученные от Д.Н. Бантыша-Каменского и пр.).[68]

Таковы очень предварительные и неполные данные, какими мы располагаем сейчас. Дальнейшие исследования уточнят их и дополнят. Но и то, что мы знаем теперь, позволяет

утверждать, что Пушкин при составлении своей «Истории» проявил огромную настойчивость и мастерство в архивных изысканиях, столь трудных в ту эпоху и особенно для избранной им темы. Он охватил всё, что только мог узнать и вырвать из наглухо запертых царских архивов. И даже выпустив книгу, продолжал настойчиво добиваться получения новых, всё более запретных материалов для совершенствования своего труда. Пушкин как архивист-историк предстает перед нами таким же удивительным и ярким явлением, каким он был во всех областях своего многогранного творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина // Пушкин. Сочинения, т. I. СПб., 1855. С. 360—362.

[2] *Грот Я.К.* Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов. В его книге: Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 138—167; изд. 2, СПб., 1899. С. 117—124 (первоначально в «Русском вестнике», 1862. т. 42, № 12. С. 636—645).

[3] *Пушкин.* Сочинения, т. XI, История Пугачевского бунта. Пгр.: Изд. Академии наук, 1914. С. 19—27 (вторая пагинация).

[4] *Оксман Ю.* Пушкин в работе над «Историей Пугачева» // Литературное наследство, кн. 16—18. 1934. С. 443—466, в особенности С. 443—447, 464.

[5] «До сих пор не только не изучены, но даже не описаны и не опубликованы те документальные, мемуарные и фольклорные материалы по истории пугачевщины, которые были собраны или даже впервые записаны Пушкиным в Петербурге, в Москве, в Поволжье и в Оренбурге. О ценности этих материалов можно судить хотя бы на основании того, что среди них находятся до сих пор неизвестные историкам акты столичных и провинциальных архивов, документы государственных собраний и частных коллекций, что в число их входят и записи рассказов живых свидетелей и непосредственных участников событий... Не вошли до сих пор полностью в научный оборот и творческие рукописи Пушкина, связанные с историей пугачевщины; мы имеем в виду его многочисленные заметки, выписки и конспекты» (ук. соч., С. 443). В настоящее время все сохранившиеся творческие рукописи Пушкина, все собранные им документальные, мемуарные и фольклорные материалы вошли, как уже сказано, в девятый том Академического издания сочинений Пушкина. Сделанные им записи устных рассказов рассмотрены мною в статье «Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и

«Капитанской дочки» (Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.—Л.: Изд. Академии наук СССР, 1953. С. 266—297). Вопрос об исследовании служивших Пушкину архивных документальных материалов рассматривается ниже.

[6] *Оксман Ю.* Пушкин в работе над «Капитанской дочкой» // Литературное наследство, т. 58, 1952. С. 222—242.

[7] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в шести томах, т. IV. М.—Л.: Изд. «Academia», 1936. С. 746—758, 797—799; то же, в девяти томах, т. VII, 1938. С. 872—897; т. VIII, 1936. С. 785—790.

[8] *Софинов П.* 1) Работа А.С. Пушкина в архивах // Архивное дело, 1936, № 4 (41). С. 85—96; 2) А.С. Пушкин — исследователь пугачевского движения // Исторический журнал, 1937, № 2. С. 38—51. Последняя статья повторяет в несколько расширенном и исправленном виде часть первой статьи, посвященную пугачёвской теме, и в этом отношении вполне поглощает и заменяет ее; первая статья содержит притом несколько серьезных опечаток, лишь частично исправленных («81 дело» вместо «8 дел» и др.).

[9] *Пушкин А.С.* Капитанская дочка. История Пугачева / Редакция и комментарий Е.М. Блиновой. Челябинск, 1937. С. 229—326.

[10] *Зубов Ю.С.* Крестьянская война под руководством Пугачева в изображении русской литературы: Автореферат кандидатской диссертации. М., 1951 (Московский городской педагогический институт имени В.П. Потемкина); *Введенский Д.Н.* Язык и стиль научно-исторической прозы А.С. Пушкина: Автореферат докторской диссертации. М., 1952 (Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина); *Астафьева О.В.* Тема крестьянского восстания в творчестве Пушкина: Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1953 (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР; здесь хранится и сама диссертация); *Фокин Н.И.* Роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955 (Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова). См.: *Назарова Л.Н.* Библиографический перечень авторефератов диссертаций о Пушкине (1949—1954) // Пушкин. Исследования и материалы, т.1. М.—Л., Изд. Академии наук СССР, 1956. С. 384, 385.

[11] *Гриценко Н.П.* Работа А.С. Пушкина над «Историей Пугачева» // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник. Ульяновск,

1949. С. 3—39. Автор неправомерно отождествляет здесь некоторые заголовки рубрик, данные Пушкиным или редакцией Академического издания («Помесячные выписки из архивных дел») с самими документами, из которых материалы извлечены (С. 12).

[12] *Мальцев М.И.* К проблеме крестьянской революции в творчестве А.С. Пушкина // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института, вып. 5. Нальчик, 1953. С. 17—70.

[13] *Петров С.М.* Исторический роман А.С. Пушкина. М.: Изд. Академии наук СССР, 1953. С. 107—133 (глава IV — «Капитанская дочка»).

[14] *Блок Г.* Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л.: Изд. Академии наук СССР, 1949.

[15] *Чхеидзе А.И.* «История Пугачева» А.С. Пушкина: Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1950 (Тбилисский государственный университет имени И.В. Сталина); извлечения из диссертации — в статьях: «История Пугачева» А.С. Пушкина как историческое исследование» (Труды Тбилисского государственного педагогического института имени А.С. Пушкина, т. V, 1948. С. 119—163). «История Пугачева» Пушкина и царская цензура» (Труды Тбилисского государственного университета имени Сталина, т. XXX—XXXI, 1947. С. 135—175): см. также более раннюю публикацию: *Чхеидзе А.И.* К вопросу об источниках «Истории Пугачева» Пушкина // Труды Тбилисского государственного учительского института А.С. Пушкина, т. II, 1942. С. 273—307.

[16] Недавнее исследование немецкого ученого Петера Бранга об истории создания «Капитанской дочки» (*Brang Peter.* Puskin und Krjukov. Zur Entstehungsgeschichte der «Kapitanskaja Docka». Berlin, 1957) не касается прямо вопроса об архивных первоисточниках произведений Пушкина о Пугачевском восстании, так как это не входило в его задачу.

[17] Акад., IX. 1. С. 389. Все ссылки на большое Академическое издание — Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937—1949 — даются здесь и далее в этой сокращенной форме.

[18] Исторический журнал, 1937, № 2. С. 43, 51. Отмеченные здесь 114 дел о Пугачеве в Государственном архиве — это, очевидно, дела из так называемого VI разряда: «Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особенной важности», ныне хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве. №№ 413—526, т. е. как раз 114; не вошло в этот счет, вероятно, дело № 527 — «Собрание материалов, относящихся до Пугачевского бунта и принад-

лежавших управляющему Московским Главным архивом» (т. е. Н.Н. Бантышу-Каменскому).

[19] См. письмо к А.И. Чернышеву от 9 февраля 1833 года (Акад., XV. С. 47).

[20] Акад., IX, 1. С. 1, 374.

[21] См.: Акад., XVI. С. 8, № 1033; С. 45, № 1088; Дела III Отделения собственной е.и.в. канцелярии об А.С. Пушкине / Под редакцией С.С. Сухонина. СПб., 1906. С. 147—151; Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов Министерства иностранных дел. Издал *Гастфрейнд Н.А.*, СПб., 1900. С. 18—20; «Русская старина», 1889, январь, С. 137—140 (публикация документов архива московских департаментов сената); *Рысляев Л.Д.* Новые документы о работе А.С. Пушкина над «Историей Пугачева» // Вестник Ленинградского университета, 1958, № 2, серия истории, языка и литературы, вып. 1. С. 146—148.

[22] Акад., XVI. С. 49—50, № 1094.

[23] ЦГВИА ф. 20, оп. 47, кн. 1—10. В сборниках материалов, изданных Центрархивом, «Пугачевщина» (т. I—III, 1926—1931) документы, извлеченные из этого фонда, аннотированы: «Лефортовский архив (ЛА), секретное повытье, кн.1» и т.д.

[24] Акад., IX, 2. С. 512—537.

[25] Акад., IX, 2. С. 512. Подлинная конспективная запись Пушкина — бывш. ЛБ № 2391, теперь ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 1145. л. 68.

[26] Акад., IX, 2. С. 907, в указателе. Архивный подлинник «Журнала Рейнсдорпа» — ЦГВИА. ф. 20, оп. 47, кн. 2, лл. 179—197; кн. 3, лл. 416—427; кн. 4. лл. 2—13 (повторение текста кн. 3). 75—98.

[27] См. Акад., IX, 2. С. 617—679 — «Помесячные выписи из архивных дел» (заглавие редакционное).

[28] ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, кн. 3 — «О известном злодее...» (см. выше; современная, в новой орфографии, копия с утраченной подлинной обложки). «Началось 3 ноября 1773 г. Кончилось 4 мая 1774 г. на 456 листах».

[29] Текст манифеста от 2 декабря 1773 года, присланного в Военную коллегию в копии Фейервара, переписан Пушкиным, очевидно, с другого экземпляра, нами пока не отысканного, под другим заглавием и с другой датой: «Указ нашему губ<ернатору> Рейнс.<дорпу> 1773 декабря 17» (см. ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 382; Акад., IX, 2. С. 687—688).

[30] См. выше. Здесь (кн. 3, лл. 416—427) журнал с 20 ноября по 21 декабря 1773 года.

[31] Кн. 3, л. 30. Письмо полностью напечатано Пушкиным в «Приложениях» к «Истории Пугачева» (Акад., IX, 1. С. 200—201). Оно замечательно тем, что содержит — в сдержанно-официальной форме — мысль, повторенную Бибиковым через несколько дней (29 января 1774 года) в письме к Д.И. Фонвизину, сочувственно цитировавшемся Пушкиным (Там же. С. 45, 201—202). «Позвольте и теперь мне в.<ашему> с.<иятельству> повторить, — писал Бибиков Чернышеву, — не неприятель опасен, какое бы множество его ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение» (Там же. С. 201). В письме к Фонвизину эта же мысль выражена еще резче и прямее: «Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование» (Там же).

[32] Акад., IX, 1. С. 107—109. В подлинном тексте заголовка: «... жены его. Софьи Дмитриевой дочери».

[33] Извлечением из показания «бывшего в 1771 году Зимовейской станицы атаманом отставного казака Трофима Фомина» (см. Акад., IX, 1. С. 109).

[34] «Библиотека для чтения». 1834, т. VII, кн. 11, отд. VII. Смесь. С. 41—48 (см. *Синявский Н. и Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2. М, 1938. С. 114—115. № 101).

[35] Автографичность этой записи Пушкина подтвердила и Т.Г.Цявловская — один из самых авторитетных современных текстологов и знатоков почерка Пушкина, приглашенная нами с этой целью в Военно-исторический архив.

[36] См. Акад., XV. С. 51, №№ 797, 798; С. 54, №№ 802 803; С. 57, № 809, а также Акад., XVI. С. 49—50, № 1094; в ведомости, приложенной к письму П.А. Клейнмихеля от 24 сентября 1835 года, указывается, что книги, вытребованные из архива Инспекторского департамента Военного министерства, были доставлены Пушкину «при записках от 25 февраля, 8 и 27 марта 1833 года». Вторая дата — 8 марта — относится к материалам лишь о Суворове, но не о Пугачевском восстании.

[37] См. Акад., XVI. С. 49—50, № 1094; С. 63, № 1109.

[38] Исторический журнал. 1937, № 2. С. 44.

[39] Акад., IX, 2. С. 622—623; текст рукою Пушкина — ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 1159, лл. 275, 276. В тексте Акад. — «Бугульминского».

[40] См. Акад., IX, 1. С. 20—21, 25.

[41] Акад., IX, 1. С. 101

[42] См. Акад., IX, 2. С. 512; ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 1145, л. 68 (см. выше).

[43] См. Акад., IX, 2. С. 658—659; ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 1153. лл. 191—192.

[44] См.: *Пушкин.* Письма, т. III / Под редакцией и с примечаниями Л.Б. Модзалевского. М.—Л.: Изд. «Academia», 1935. С. 618, 620—621; здесь приведена и литература. Об архивных занятиях Пушкина в Нижнем Новгороде нет никаких документальных или мемуарных данных (кроме приведенной пометы); не упоминает об этом и Пушкин в письмах к жене.

[45] В специальных трудах, где говорится о пребывании Пушкина в Нижнем Новгороде (сб. «Пушкин в Болдине», Горький, 1937; *Еремин А.* Пушкин в Нижегородском крае. Горький, 1951), этот вопрос, к сожалению, не освещен.

[46] Акад., XV. С. 69, № 830; черновой текст на французском языке; перевод — С. 318. Беловой, отправленный по назначению текст не сохранился; возможно, что в нем о позволении «ознакомиться с архивами этих двух губерний» (voir les archives de ces deux gouvernements) уже из осторожности не упоминалось. Во всяком случае, ответное письмо А.Н. Мордвинова, написанное по поручению Бенкендорфа, не упоминая вовсе об архивах, содержит лишь вопрос подозрительного царя: «... что побуждает Вас к поездке в Оренбург и Казань?» (Там же, № 831). Пушкин дал уклончивый ответ, ссылаясь на необходимость уединения, чтобы «кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду»; эта книга — «роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии» (Там же, С. 70, № 832). В следующем письме Мордвинова, вновь без упоминания об архивах, сообщалось о дозволении Пушкину «ехать в Оренбург и Казань, на четыре месяца» (Там же. С. 71, № 835). Для нас в данном случае важно отметить самое намерение Пушкина поработать в местных архивах.

[47] См.: *Пушкин.* Письма, т. III. С. 622, 632—633. Во втором примечании к восьмой главе «Истории Пугачева» по поводу рассказа о казанском пасторе, пожалованном Пугачевым в «полковники» (Акад., IX, 1. С. 68), Пушкин замечает: «Слышано мною от К.Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанском университете, человека столь же ученого, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных» (Там же. С. 116).

[48] Рассказ В.П. Бабина был записан Пушкиным (см. Акад., IX, 2. С. 494; ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, № 370). Он послужил материалом для начала седьмой главы «истории».

[49] О нем см.: *Пушкин.* Письма, т. III, стр. 622.

[50] Основными материалами являются: письма самого Пушки-

на к Н.Н. Пушкиной от 19 сентября и 2 октября 1833 года из Оренбурга и Болдина, дающие, впрочем, очень мало сведений (см. Акад., XV. С. 81—82, № 847; С. 83—84, № 849), а также его письмо к В.А. Перовскому от марта—апреля 1835 года (см. Акад., XVI, стр. 22. № 1053); воспоминания В.И. Даля, неоднократно и с разными дополнениями печатавшиеся (см.: *Майков Л.* Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 416—421 («Воспоминания о Пушкине»; первоначально в «Русском вестнике», 1890, кн. 10. С. 5—10); дополнения к воспоминаниям Даля — в статье *Лернера Н.О.* «Из неизданных материалов для биографии Пушкина» (Русская старина, 1907, № 10. С. 65—66) и в книге *Цявловского М.А.* «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым» (М., 1925. С. 21—22)); письма Е.З. Ворониной, написанные из Оренбурга в сентябре—ноябре 1833 года и напечатанные частично Л.Н. Майковым в его сборнике «Пушкин» (1899. С. 427—429), а полностью в «Русском архиве» (1902, кн. II, № 8. С. 647—660); воспоминания бердинской казачки А.Т. Блиновой в записях С.Н.Севастьянова (Труды Оренбургской ученой архивном комиссии, вып. VI, Оренбург, 1900. С. 233—234) и Н.Г. Иванова (Русский архив, 1900, кн. I. С. 157—159); воспоминания Н.П. Иванова — очень недостоверные — в его книге «Хивинская экспедиция 1839—40 гг.» (СПб., 1873. С. 20—23), перепечатанные В.И. Межовым в журнале «Библиограф» (1887, март. С. 37—39) и вторично — М.Л. Юдиным в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» (вып. VI. С. 209—213); в последнем издании (С. 213—215) помещен и рассказ о Пушкине в Бердах Н.А. Кайдалова, напечатанный впервые в «Современных известиях» (1880, № 164); статья П. Юдина «Памяти А.С. Пушкина. I. Некоторые подробности о его пребывании в Оренбурге» (Русский архив, 1899, кн. II, № 5. С. 137—138); воспоминания К. И. Савостьянова, опубликованные А.А. Достоевским в издании: «Пушкин и его современники» (вып. XXXVII, 1928. С. 144—151); воспоминания И.В. Чернова в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» (вып. XVIII, 1907. С. 6) и некоторые другие, о которых будет сказано ниже. Из исследовательских или популярных работ, посвященных пребыванию Пушкина в Оренбурге, отметим статью Д.Н. Соколова «Пушкин в Оренбурге» (Пушкин и его современники, вып. XXIII—XXIV, 1916), С. 67—100, 301—304), статьи Н.Е Прянишникова, К. Сальникова и других в сборнике «Пушкин в Оренбурге» (Оренбург, 1937), работы *Прянишникова Н.Е.* : «В.И. Даль в Оренбурге» (Степные огни // Литературно-художественный сборник, № 4, Чкалов, 1941. С. 196—223), очерки «Пушкин» в его книгах «Писатели-классики в Оренбург-

ском крае» (Чкалов, 1946. С. 10—24; изд, 2, 1956. С. 39—59) и «Писатели-классики об Оренбургском крае» (Чкалов, 1951. С. 10—30), «По литературным местам Чкаловской области» (С экскурсией по Чкаловской области. Чкалов, 1949. С. 142—145) и др. Критическому исследованию биографических и творческих вопросов, связанных с посещением Пушкиным Оренбурга, посвящена неизданная работа автора настоящей статьи — «Пушкин в Оренбургском крае» (ср.: *Н. Измайлов.* Пушкин в Оренбургском крае // Чкаловская коммуна, 1949, № 104 (6444), 29 мая).

[51] Охотничьи рассказы Артюхова (о которых неоднократно вспоминает Даль в своих мемуарах и художественных произведениях — в очерке «Охота на волков», рассказе «Болгарка») Пушкин запомнил и в письме к Перовскому, упомянутом выше, писал, посылая «Историю Пугачева» ему и другим оренбургским знакомым и забыв фамилию Артюхова: «...тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем» (Акад., XVI. С. 22, №1053).

[52] Служивший в Оренбурге инженер-прапорщик К.А. Бух после прочтения «Истории Пугачевского бунта» заинтересовался историей восстания и решил изучить эти архивные материалы. В письме от 9 октября 1835 г. он рассказывал об этом Пушкину: «... эпоха, вами избранная и разработанная с таким замечательным мастерством, заинтересовала меня столь живо, что я взялся за ее изучение; и Архив комиссии пограничных споров (l'Archive de la Commission du contentieux des front.eres), как ее назвал А.Гумбольдт, дал мне первые материалы: я начал делать выписки из всего, что нашел любопытного в этом архиве, и после восьми месяцев усидчивой работы над двенадцатью толстыми фолиантами я в конце концов получил обзор их содержания, обнимающий историю Пугачева от его побега из Казани до битвы при Татищевой» (Акад., XVI. С. 55, № 1101: подлинник на французском языке; русский перевод — С. 374—375).

[53] За сообщение этой статьи выражаю глубокую признательность С.А. Попову, научному сотруднику Оренбургского областного краеведческого музея, замечательному знатоку истории края, которому я обязан многими ценными указаниями.

[54] По сведениям «дневника», Пушкин приехал в Оренбург 12 июня и прожил там около двух недель, проводя время среди балов, парадных обедов, пикников и т.п., даже присутствовал на смотре войск в лагерях. Характерно, что эти якобы «дневниковые» записи помечены не числами, а днями пребывания в Оренбурге, с первого по двенадцатый.

[55] Публикация Р.Г. Игнатьева явилась ответом на обращение, напечатанное за несколько месяцев до того в «Оренбургских губернских ведомостях» (1882, № 47, часть неофициальная), со ссылкой на «Оренбургский листок»: напоминая о том, что «в 1883 году минет 50 лет, как в Оренбург приезжал Пушкин для собрания *в здешних архивах* (курсив мой. — *Н.И.)* документов по пугачевскому бунту», газета обращалась с просьбой «к оренбургским старожилам сообщать всё, что им известно о времени пребывания здесь Пушкина». Уверенность в том, что Пушкин приезжал для разысканий в архивах, была, как видно, очень сильна в Оренбурге, и факт представлялся несомненным.

[56] Первый том относится к 1772 году и не содержит материалов о восстании в собственном смысле; четырнадцатый том заключает лишь «Ведомости о убитых и разоренных имуществах толпою Пугачева 1774 г.». Тот и другой, быть может, не входили в общий счет, почему как Бух, так и Игнатьев насчитывали двенадцать томов.

[57] Решительно отрицает занятия Пушкина в Оренбургском архиве лишь один мемуарист — упомянутый выше К. А. Бух (1812—1895), тогда молодой инженерный прапорщик, бывший на службе в Оренбурге во время пребывания там Пушкина. В его воспоминаниях (опубликованных частично в «Записках Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина», вып. I, М., 1938. С. 7—10) говорится о том, что «Пушкин... употребил на пребывание в Оренбурге и поездки по краю всего четыре дня, а в местные архивы не заглядывал». Далее рассказывается в форме анекдота о случайной встрече товарища Буха, А.Ф. Штакельберга, с Пушкиным в Петербурге в 1836 году в книжном магазине. Штакельберг, вмешавшись в разговор неизвестного ему посетителя (оказавшегося Пушкиным) с книгопродавцем по поводу «Истории Пугачевского бунта», сказал: «Разве можно признать эту историю серьезным исследованием, когда Пушкин, бывши в Оренбурге, даже не дал себе труда просмотреть местные архивные дела; приятель мой (т.е. Бух. — *Н.И.)*, живя в Оренбурге, их разбирал и сделал чрезвычайно любопытные выписки». Эта встреча, по словам Буха, явилась поводом для его знакомства с Пушкиным, которого Бух посетил летом 1836 года. Пушкин, просмотрев архивные извлечения Буха, сказал: «Рукопись ваша любопытна, и вы могли бы напечатать ее в виде приложения к моей истории». «Полагая, — заключает Бух, — что Пушкин, пользовавшийся архивными делами Петербурга и Москвы, нашел мало нового в моих извлечениях и только из приличия предложил напечатать их, я похоронил их в куче других бумаг, у меня накопившихся, среди которых они впоследствии затерялись». О за-

нятиях Буха в Оренбургском архиве мы знаем по приведенной выше выдержке из письма его к Пушкину от 9 октября 1835 г. (см. С. 449; Акад., XVI. С. 55, № 1101). Это письмо, о котором Бух не упоминает в позднейших воспоминаниях, заставляет усомниться в точности последних: из письма следует, что в 1836 году материалы Буха не могли быть новостью для Пушкина. При этом Бух рассчитывал не только заслужить своими выписками признательность Пушкина и «некоторое уважение, чем и буду гордиться» (как он пишет), но и получить от поэта 500 руб., которых ему «не достает». Ответил ли Пушкин на бесцеремонное предложение молодого офицера, неизвестно. В том, что сам Бух занимался в Оренбургском архиве, едва ли можно сомневаться. Но его утверждение, что Пушкин «в местные архивы не заглядывал», ничем не доказывается. В неизданной части архива К.А.Буха (Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина) есть ряд дневниковых записей 1835 года, показывающих его интерес к Пугачевскому восстанию: о поездке в Берды по следам Пушкина, о рассказах современника восстания майора Сычугова, побывавшего в плену у пугачевцев, и пр. Пушкин с Сычуговым, по-видимому, не встречался.

[58] Следуя хронологическому порядку, оно должно было бы находиться в книге 2 архива канцелярии Рейнсдорпа (ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2), обнимающей сентябрь и октябрь 1773 года, приблизительно около 400-го листа.

[59] См. Акад., IX, 2. С. 501—504; ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1142. Текст полусписан, полупересказан Пушкиным (собственноручно). Подлинник в делах канцелярии Рейнсдорпа нами не обнаружен.

[60] См. Акад., IX. 2. С. 505—512; ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1143; ЦГАДА, ф. 1100, кн. 7, лл. 459—482. Пушкиным выписан в очень кратком изложении.

[61] В комментариях к «Капитанской дочке» (*Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, т. IV. Изд. «Academia», 1936. С. 755) Ю.Г. Оксман указал на то, что «реестр барскому добру», представленный Савельичем Пугачеву (гл. IX), построен Пушкиным «на основании одной из подлинных «претензий» 1774 года, скопированной им, вероятно, в Оренбургском архиве во время поездки 1833 года». Публикуя целиком по списку рукою Пушкина эту «претензию» — «Реестр, что украдено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Заинске» — в «Литературном наследстве» (т. 58, 1952. С. 235—239), Ю.Г. Оксман снял последнее утверждение, ограничившись указанием на то, что «реестр» «скопирован был Пушкиным с архивного оригинала, местонахождение и полный текст которого историкам неизвестны»

(Там же. С. 241, примеч. 25). В фонде канцелярии Рейнсдорпа (ЦГАДА) этот «реестр» пока не обнаружен.

[62] См. Акад., IX, 2. С. 551—598 (документы V и VI); ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1162 (бывш. ЛБ № 2394, № 11).

[63] На той же бумаге и тем же писарским почерком переписаны документы «О побеге Пугачева» — Акад., IX, 2. С. 723—747 (документ VI); ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1161 (бывш. ЛБ № 2394, № 14); эта рукопись авторизована Пушкиным.

[64] В феврале 1835 г. этими материалами уже занимался К.А. Бух (см. выше). В своих воспоминаниях он, однако — быть может, намеренно — не упоминает о том, что эти рукописи были у Пушкина.

[65] *Юдин П.* Памяти А.С. Пушкина. I. Некоторые подробности о его пребывании в Оренбурге // Русский архив», 1899, кн. II, № 5. С. 138. «Где теперь находятся дела эти, — добавляет автор, — покрыто мраком неизвестности. В архиве же бывшей канцелярии военного губернатора и в штабе Отдельного Оренбургского корпуса нет ни одного дела о Пугачевщине». Эти замечания — плод неосведомленности автора: еще в 1883 году Р.Г. Игнатьев знал вполне точно судьбу фонда канцелярии Рейнсдорпа.

[66] А.И. Чернышев, один из реакционнейших деятелей николаевского времени, не мог не знать о близости Пушкина к декабристам, в деле которых он, Чернышев, играл такую неблаговидную роль.

[67] См. в статье *Модзалевского Б.Л.* «Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома» («Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», Пгр.: ГИЗ, 1922. С. 20, примеч. 3). В письме к В. А. Перовскому (Акад., XVI. С. 22) Пушкин, правда, пишет ему: «Жалею, что в Петербурге удалось нам встретиться только на бале»; но и в этих условиях он мог переговорить с ним или с его адъютантом о пересылке рукописей.

[68] См. Акад., IX, 1. С. 389. В число «18 томов» входят, возможно, и рукописи «Летописи Рычкова», бывшей в распоряжении Пушкина в трех экземплярах — от Г.И. Спасского, А.М. Языкова и И.И. Лажечникова (см. примечание второе к главе третьей «Истории Пугачева» — Акад., IX, 1. С. 101).